

Глава XV. Цусима. Вторжение на Сахалин. Портсмутский мир.

**Эскадра
ценою во
флот**

Ставший очевидным с первых же дней войны недостаток русских военно-морских сил на Дальнем Востоке, усугубленный блокадой порт-артурской эскадры, поставил вопрос об отправке туда подкреплений. Сразу же после гибели адмирала Макарова, в апреле 1904 года было принято решение об отправке на дальневосточный морской театр Второй тихоокеанской эскадры, снаряжаемой из лучших кораблей Балтийского флота под командованием начальника Главного морского штаба вице-адмирала З.П.Рожественского. В состав эскадры вошли 4 новейших 18-узловых эскадренных броненосца “Князь Суворов”, “Александр III”, “Бородино” и “Орел”, 4 более старых броненосца “Ослябя”, “Сисой Великий”, “Наварин” и “Адмирал Нахимов”, 2 современных бронепалубных крейсера “Аврора” и “Олег”, 2 современных безбронных крейсера 2-го ранга “Жемчуг” и “Изумруд” и 2 старых – “Светлана” и “Дмитрий Донской”, переделанная в крейсер яхта “Алмаз” и 9 современных больших миноносцев. Несмотря на внушительный состав, с самого начала формирования эскадры была очевидна ее слабая защищенность, определяемая недостатком мощных крейсеров, а также уже успевшими сыграть свою роковую роль под Порт-Артуром непозволительно большими различиями кораблей по скорости хода и вооружению. Для усиления эскадры в ее состав пришлось включить 5 вооруженных пароходов³²⁸, а также имелись планы приобрести за границей до семи новых крейсеров³²⁹ [330]. Большой проблемой оказалась комплектация и должная подготовка рядового и командного состава эскадры, на кораблях которой в условиях мирного времени замещались лишь наиболее ответственные должности. “Некомплект офицеров был пополнен за счет досрочного выпуска из морского корпуса, призыва из запаса и перевода из торгового флота (прапорщики). Первые не имели опыта

³²⁸ Два из них – “Урал” и “Терек” – летом 1904 года осуществляли рейдерское патрулирование в Атлантическом океане

³²⁹ В конечном итоге приобрести крейсера не удалось, и вслед эскадре Рожественского пришлось отправлять Третью тихоокеанскую эскадру под командованием контр-адмирала Н.И.Небогатова, состоящую из ветеранов Балтийского флота старого броненосца “Николай I”, броненосцев береговой обороны “Генерал-адмирал Апраксин”, “Адмирал Сенявин” и “Адмирал Ушаков”, а также старого броненосного крейсера “Владимир Мономах”.

и достаточных знаний, вторые нуждались в обновлении своих знаний, а третьи не имели достаточной военной подготовки. Рядовой состав более чем на 30% состоял из призванных из запаса и новобранцев, так как матросов срочной службы не хватало... Личный состав в большинстве был назначен на новые корабли лишь летом 1904 года... следовательно... почти вовсе не знал своих кораблей” [331].

Поразивший мир полукругосветный поход Второй тихоокеанской эскадры из Балтики к Японскому морю и по сей день не имеет себе равных по массовости, продолжительности, автономности и обилию трудностей, которые приходилось преодолевать. Не располагая возможностью проследовать в Тихий океан по кратчайшему пути через Суэцкий канал, эскадре предстояло пройти около 18 тыс. миль, не имея в пути ни одной собственной базы³³⁰. Во все страны и территории, мимо берегов которых должна была проследовать эскадра, были откомандированы русские агенты с заданием осуществлять сбор разведанных о возможных угрозах и недружественных действиях. Планировалось без предварительных договоренностей с правительством Франции заходить во французские порты, опираясь исключительно на существовавший между двумя странами союзный договор. Контракт на снабжение углем был заключен с германской компанией³³¹. Для обеспечения нужд эскадры к ней были приданы пароход-мастерская и госпитальное судно. Дополнительный боезапас предполагалось отправить на транспорте “Иртыш”, однако из-за аварии судна

³³⁰Через Суэцкий канал, имевший ограничения по осадке, смогли проследовать миноносцы, легкие крейсера, транспорты и два старых броненосца под командованием контр-адмирала Фелькерзама. К 15 декабря они подошли к Мадагаскару, где 24 декабря соединились с основным отрядом, обогнувшим Африку.

³³¹Как мы уже отмечали, из всех европейских держав только Германия, активно стремившаяся к союзу с Россией против Англии, оказывала пусть и ограниченную, но реальную помощь русскому флоту на Дальнем Востоке, поставляя уголь и обеспечивая максимально мягкий режим интернирования укрывшихся на германской военно-морской базе в Циндао русских кораблей. В ноябре 1904 года, по инициативе кайзера, Россия парафировала германский проект договора о союзе, направленного против Великобритании и Японии. При этом Россия настаивала на априорном включении в этот союз Франции, в то время как Берлин лукаво предлагал “присоединить Францию позже”. На основе данного документа 11 июля 1905 года в ходе знаменитой “встречи на яхтах” у острова Бьёрк кайзер и российский император подпишут-таки союзный договор. Тем не менее после поправок, внесенных в его текст Николаем II и ограничивающих русские гарантии германским интересам исключительно территорией Европы, Берлин дезавуирует документ. В результате России на определенное время удастся сохранить весьма продуктивный для нее в экономическом отношении союз с Францией, одновременно балансируя отношения с Германией выгодным для последней торговым договором, заключенным в июле 1904 года [332].

снаряды пришлось доставлять во Владивосток по железной дороге, в результате чего эскадра была лишена возможности осуществлять в пути учебные стрельбы.

Слово и дело адмирала Рожественского Практически до самого последнего момента целесообразность отправки балтийской эскадры на Дальний Восток была под вопросом. После неудачного боя в Желтом море 28 июля и отступления под Ляояном, обрекавших Порт-Артур на близкую гибель, вопрос о походе окончательно решался на совещании в Петергофе 30 августа 1904 г. По авторитетному свидетельству военно-морского историка и современника описываемых событий Н.Л.Кладо, “огромное большинство его участников высказалось против посылки эскадры, – но ее отстоял адмирал Рожественский, упорно восстававший и в это время против всяких её подкреплений” [333].

Дядя императора великий князь Александр Михайлович писал: “Рожественский... заявил, что готов немедленно отправиться в Порт-Артур и встретиться с японцами лицом к лицу. Его почти нельсоновская речь звучала комично в устах человека, которому была вверена почти вся власть над нашим флотом³³². Я напомнил ему, что Россия вправе ожидать от своих морских начальников чего-нибудь более существенного, чем готовности пойти ко дну. “Что могу я сделать, – воскликнул он: – *общественное мнение должно быть удовлетворено* <курсив автора>. Я знаю это. Я вполне отдаю себе отчет в том, что мы не имеем ни малейшего шанса победить в борьбе с японцами”. “Отчего вы не думали об этом раньше, когда высмеивали моряков микадо?” – “Я не высмеивал, – упрямо возразил Рожественский. – Я готов на самую большую жертву. Это тот максимум, который можно ожидать от человека”. И этот человек с *психологией самоубийцы* собирался командовать нашим флотом!...” [334].

Решимость Рожественского выступать, несмотря на лучше, чем кому-либо еще, ему известные колоссальные недоработки в судовых механизмах, вооружениях и боевой подготовке экипажей в преддверии встречи с грозным и опытным противником, по-прежнему остается одной из неразрешенных загадок русско-

³³²Формальный командующий русским флотом генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, деятельности которого иногда приписывают неподготовленность флота к войне, был на самом деле больше “церемониальной фигурой” с общепризнанно низким авторитетом в военно-морских кругах – Прим. авт.

японской войны. После гибели адмирала Макарова обладая наибольшим авторитетом в военно-морских делах, Рожественский легко мог подобрать и донести до Царя неопровержимые доводы против похода, которые рано или поздно, но непременно были бы приняты. За долгий шестимесячный период формирования и подготовки эскадры убедительных возможностей сделать это было более чем достаточно. Тем не менее, адмирал Рожественский с фаталистической непреклонностью стоял за поход. Что двигало им – служебный долг и верность слову, данному царю, чувство обреченности, обрушившееся на усталого пожилого человека, или невозможность обоснованным отказом обесценить свой жизненный путь, выстроенный в соответствии с героическими традициями и ожиданием великих дел? Что бы ни лежало в основе решения адмирала, только на тот момент оно полностью совпадало с общественным настроением: продолжение борьбы во имя цели, в которую уже почти никто не верил, но не соглашался это признать.

Нерадостные предзнамено- вания

Эскадра снялась с якорей 2 октября 1904 года с базы Балтийского флота в Либаве. Еще в Балтийском море, на подходе к Ютландскому полуострову, командующий получил информацию о подозрительных кораблях, периодически появляющихся на пути следования эскадры. Поэтому для перехода через Северное море Рожественский распорядился разделить эскадру на 6 эшелонов, следующих с интервалом в 20–30 миль. С первых же дней похода эскадра шла в условиях крайнего напряжения, с заряженными орудиями и торпедными аппаратами. Тем не менее, не была организована разведка пути, из-за недостаточной подготовки экипажей к совместному плаванию не выдерживались дистанции, а связь между эшелонами – несмотря на оснащение всех кораблей современными радиопередающими устройствами – практически не поддерживалась [335]. На восьмой день пути, в ночь с 8 на 9 октября в районе североморской Доггер-банки произошел мрачный инцидент, до сих пор окутанный пеленой мистификаций. Поздно вечером эфир наполнили передававшиеся открытым ключом радиосообщения о том, что транспорт-мастерская “Камчатка”, незадолго до этого отставший от основных сил, “атакован миноносцами, потом, что он ведет с ними бой, и, наконец, что, отстреливаясь, уходит различными курсами”. Затем последовала просьба “показать место флагманского корабля и обозначить место эскадры прожектором” [336]. Впоследствии

выяснилось, что радист “Камчатки” подобных сообщений не передавал, а эскадра чуть было не стала жертвой первой в морской истории радиоигры, ведомой отрядом недавно закупленных в Англии японских миноносцев. В случае ее успеха по русскому флагманскому кораблю должна была быть проведена торпедная атака, последствия которой обещали превзойти недавнюю гибель “Петропавловска” с адмиралом Макаровым на борту... Происходящее вызвало предельное напряжение на всех постах эскадры. Дважды открывался огонь по подозрительным силуэтам, однако в первый раз оказались расстрелянными рыболовные суда, приписанные к английскому порту Гулль, во второй – пять снарядов поразили принятый за неприятельский миноносец крейсер “Аврора”, причем один из них разорвался в каюте корабельного священника отца Афанасия, смертельно ранив его. “Гулльский инцидент” вызовет сильнейшее обострение отношений между Россией и Англией, сопровождавшееся с английской стороны угрозами разрыва отношений и объявления войны. В связи с этим 13 октября эскадра была вынуждена бросить якорь в Виго (Испания) и продолжила свой путь только после того, как русское правительство согласилось компенсировать ущерб рыбакам и вынести инцидент на рассмотрение Международной следственной комиссии в рамках Гаагского соглашения 1899 года о мирном разрешении международных споров³³³. Мрачная атмосфера, в которой начался поход Второй тихоокеанской эскадры, была усугублена гибелью корабельного священника, воспринятой всеми моряками в качестве недоброго предзнаменования.

Без надежды Получив за первые три недели похода
на успех убедительные доказательства, сполна
 подтверждавшие имевшиеся опасения по поводу
 недостатков эскадры, уже с пути адмирал
Рожественский доносил “с солдатской прямою, что надежды на успех он не имеет” [337]. В письмах родным, приходивших из

³³³Комиссия не смогла найти доказательств пребывания у Доггер-банки японских миноносцев, единственное, что она сумела установить, – то, что открывая огонь, Рожественский действовал “не злонамеренно” [338]. Однако тот факт, что инцидент был сравнительно быстро замат, свидетельствует о получении реалистичных доказательств пособничества Англии негласной операции японского флота. Позднее также выяснилось, что в ночь на 9 октября у Доггер-банки находился и германский миноносец – направленный, скорее всего, с целью “дружественного сопровождения”. Хотя существует мнение о том, что провокация могла быть организована и германской стороной, крайне заинтересованной в обострении русско-английских отношений.

разных государств, вдоль берегов которых следовала эскадра, он выражался еще категоричнее: “идем на поражение, никаких шансов нет” [339]. Близкие по духу настроения преобладали и среди экипажей. В значительной своей части собранный “с миру по нитке”, личный состав эскадры не был образцом дисциплинированности и порядка. Многочисленные нарушения и даже мелкие провинности давали волю крутому нраву командующего, не стеснявшегося собственноручно наказывать виновных и отдавать распоряжения о публичных порках провинившихся моряков. Ожидание неизбежной встречи с опасным и сильным противником вкупе с тягостной атмосферой, царившей на судах, усиливало предчувствие роковой развязки.

“Плавание главных сил <эскадры>, пошедших вокруг Африки, было очень тяжелым. Эскадра не имела в пути ни одной благоприятной стоянки, и погрузка угля производилась в открытом море при свежей погоде... Желая сократить количество остановок, адмирал Рожественский решил делать большие переходы. Это обстоятельство вызывало необходимость принимать... двойное количество угля, <который> приходилось размещать... в жилых палубах, кубриках, батареях противоминной артиллерии и других местах, что донельзя стесняло жизнь личного состава... Личный состав, изнуренный тяжелой работой в тропической жаре <погрузка угля в море. – Авт.>, оставался без отдыха. К тому же в условиях, когда все помещения на кораблях были завалены углем, проводить какую-либо серьезную боевую подготовку было невозможно” [340]. Изможденные двухмесячным плаванием, к Рождеству корабли бросили якорь в бухте Носибе на французском Мадагаскаре, где было получено известие о падении Порт-Артура и гибели Первой тихоокеанской эскадры.

Если до этой печальной вести Вторая тихоокеанская эскадра могла рассматриваться как резервная сила, способная обеспечить деблокирование порт-артурского флота и возместить понесенные им потери, то теперь ее стратегические возможности радикально обесценивались. В новых условиях эскадра Рожественского должна была либо вернуться на Балтику, либо пробиваться к Владивостоку. Надеясь добраться до Владивостока раньше, чем японский флот сумеет исправить повреждения, полученные во время блокады Порт-Артура, Рожественский спешил с выходом – однако неожиданные осложнения с поставками угля почти на два месяца задержали выход эскадры. За период вынужденного бездействия “дисциплина... теперь упала еще больше. На кораблях эскадры участились случаи

оскорбления начальствующего состава и неповиновения... Проведенные стрельбы и совместное маневрирование показали, что эскадра не подготовлена к выполнению поставленной ей задачи" [341]. С далекого Мадагаскара Рожественский телеграфировал царю свои соображения по поводу смертельной опасности, которую будет иметь попытка прорыва к Владивостоку недостаточно подготовленной, вооруженной и измотанной длительным переходом эскадры. Адмирал несколько не пытался отменить поход – слишком много сил он отдал его подготовке, и слишком мало у него оставалось времени, чтобы на закате жизни возглавить другое подобное по значимости предприятие, – он лишь пытался честно предупредить о надвигающейся опасности тех, для кого она вполне могла оказаться пострашнее, чем представляется настоящему моряку смерть в морской пучине. Ответ Николая II был лаконичен и снимал все сомнения адмирала: “С Богом – вперед!”. Суть произнесенных при Рубиконе знаменитых слов Цезаря *alea jacta est* – жребий брошен! – сполна исповедовалась теми, кто на протяжении столетий в боях и смертельных по риску экспедиционных походах неуклонно и бесстрашно раздвигал границы Российской империи. И если судьба была до этого благосклонна к ним, то почему на этот раз она должна была изменить?

Лишь 3 марта эскадра смогла наконец сняться с якорей и, проложив курс от Мадагаскара через центральную часть Индийского океана и Малаккский пролив, шесть раз имея приемку угля в открытом море, после 29-дневного перехода прийти на стоянку в бухту Камрань во Французском Индокитае. Стоянка оказалась крайне напряженной, поскольку на сей раз французские власти потребовали скорейшего ухода русских кораблей, а с другой стороны реально ожидалось нападение японского флота. Адмирал Рожественский, чувствуя себя совершенно больным, телеграфировал из Камрани в Петербург, прося по приходе во Владивосток заменить его другим командующим. Никаких сомнений по поводу того, кто поведет эскадру в прорыв, у него не возникало – как, впрочем, и не имелось больших надежд на его успех. Тем не менее он резонно полагал, что выход к Владивостоку даже части кораблей, где, помимо угля, ремонта и краткого отдыха экипажей они получают новый боекомплект, сможет реально улучшить стратегические возможности России в продолжающейся войне. А запланированная при прорыве смерть нескольких сотен моряков станет, даст Бог, последней ценой, которая Россия заплатит и за преступное миролюбие высших властей, в преддверии войны загнавшее порт-

артурскую эскадру под блокаду Того, и за слишком долгую цепь трагических случайностей, по крупницам отбиравшим успех и отдалявших победу.

Следуя настойчивым рекомендациям французских властей "не провоцировать японцев", Рожественский принимает решение покинуть неприветливую Камрань и, укрывшись в бухте Ванфонг, в 70 милях к северу от Камрани, дожидается подхода кораблей отряда контр-адмирала Небогатова³³⁴. Это соединение, за неимением новых крейсеров составленное из ветеранов Балтийского флота и официально носившее гордое название Третьей тихоокеанской эскадры, не только не укрепляло силы Рожественского, но дополнительно ухудшало их и без того невысокие тактические возможности. Однако другого выбора не было. 1 мая 1905 года соединенные эскадры покинули воды Французского Индокитая и взяли курс на прорыв к Владивостоку кратчайшим путем – через Корейский пролив.

В ночь на 6 мая, проходя между Формозой (Тайванем) и Филиппинами, корабли эскадры имели первый боевой успех: был захвачен английский пароход "Олдгамия", шедший в Японию с грузом керосина и патронов. С призовой партией под командованием прапорщика П.А.Леймана судно было отправлено во Владивосток³³⁵. А 10 мая корабли эскадры последний раз приняли уголь "по уши" [342] – агенты Гамбургско-Американской компании, весь поход обеспечивавшие бункеровку эскадры углем, заявили о невозможности более направлять угольные пароходы в район, непосредственно контролируемый японским флотом³³⁶. Выросшие

³³⁴Об отношениях русской эскадры с властями "союзной Франции" выразительно свидетельствует такая подробность: находясь на якорной стоянке в Ванфонге, всякий раз, когда прибывал французский корабль с предписанием покинуть "территориальные воды", Рожественский демонстративно приказывал разводиться пары и начинал "выход в море", прекращавшийся немедленно после ухода французов [343].

³³⁵"Олдгамия" благополучно обошла Японские острова со стороны восточного побережья и 16 мая вошла в пролив Фриза между островами Уруп и Итуруп Курильской гряды, где в результате навигационной ошибки судно было выброшено на камни и затем взорвано призовой командой. 14 июня – спустя месяц после того, как эскадра была разгромлена у берегов Цусимы, – 10 моряков из призовой команды "Олдгамии" во главе с Лейманом на парусно-весельном боте смогли добраться до Владивостока. Эвакуировать оставшуюся на о.Уруп часть команды не удалось – все они вскоре были захвачены в японский плен.

³³⁶Мы уже писали, что основными поставщиками флотского угля, включая знаменитый маршевый "кардифф", были английские угольные компании, которым напрямую было запрещено делать поставки на русскую эскадру; если в Атлантическом и Индийском океане качественный английский уголь удавалось доставать через посредников, то после прохождения эскадрой Сингапура британское правительство

на палубах угольные терриконы породили у моряков уверенность, что эскадра пойдет к Владивостоку в обход Японии, – свои истинные планы адмирал Рожественский до последнего момента держал в секрете.

Пространство

выживания.

Были ли шансы у

эскадры

Рожественского?

Самый безопасный путь к Владивостоку лежал через слабо контролируемые противником пространства Тихого океана к востоку от Японских островов, пройдя которые, русские корабли могли выйти к родным берегам либо через многочисленные Курильские проливы, либо через 60-мильный пролив Лаперуза, отделяющий Сахалин от Хоккайдо. Два других варианта – через Сангарский пролив (несмотря на недавнее успешное прохождение по нему лихих владивостокских крейсеров³³⁷) или через Корейский пролив – должны были быть исключены в принципе как связанные с несравненно более высоким уровнем риска. Путь через Корейский пролив был соблазнителен лишь кратчайшим маршрутом к конечной цели, что для измотанных уже более чем семимесячным походом экипажей служило лучшим стимулом к мобилизации нравственных сил и воли. В остальном же он практически не оставлял шансов на успех. Узость Корейского пролива, разделенного Цусимскими островами при достаточной длине ограничивающих его береговых линий корейского и японского побережий, в условиях непосредственной близости вражеских военно-морских баз и береговых укреплений давали противнику максимум преимуществ. Ни в одном другом бы месте возможного прорыва японский флот не смог бы сосредоточить столько сил, укрепив свою и без того мощную ударную группировку даже тихоходными устаревшими крейсерами и броненосцами береговой обороны. Ни в одном другом

смогло добиться тотального запрета на отгрузку качественного угля из портов азиатско-тихоокеанского региона [344]. Работавшие с эскадрой агенты в нарушение условий контракта доставляли уголь местных копей – мелкий, сырой, со значительным содержанием серы. Низкое качество угля стало одной из причин недостаточного хода русских кораблей во время Цусимского боя.

³³⁷Прорыв через Сангарский пролив имел бы шансы на успех, подойди к нему русская эскадра незамеченной – ближайший японский порт Майцзыру находился в 250 милях [345], и неприятельский флот не успел бы выйти на перехват. Однако Вторая тихоокеанская эскадра – не маленький владивостокский отряд, и в случае ее непоявления в Корейском проливе японский флот приложил бы все усилия для того, чтобы обнаружить русские корабли на таком расстоянии от Сангарского пролива, которое бы считалось достаточным для выдвижения в район предполагаемой встречи собственных сил.

месте японский флот не обладал бы столь обширными тактическими возможностями, начиная от многократного навязывания боя на встречных курсах и кончая полным обхватом противника. И нигде еще вероятность встретить консолидированные силы японского флота не была столь высока. Ставший после Порт-Артура кумиром японской нации адмирал Того также не горел желанием в очередной раз испытывать счастье, гоняясь за русской эскадрой по маршрутам ее возможного продвижения в Тихом океане. Нация скорей бы простила ему безрезультатное, но грозно-сосредоточенное ожидание боя в одном из районов возможного прорыва, чем сулившие, в лучшем случае, лишь частичный успех напрасные "дальние поиски".

Безусловно, адмирал Рожественский прекрасно осознавал весь масштаб опасностей, подстерегавших его эскадру в Корейском проливе. Мотивируя свое решение прорываться к Владивостоку именно этим маршрутом, он указывал на большие глубины, исключавшие постановку противником минных заграждений, на в целом удовлетворительный результат эскадренного сражения в Желтом море 28 июля 1904 года, в котором, несмотря на убийственный огонь, не был потоплен ни один корабль, а также на крайнюю степень нервного истощения своих подчиненных, исключавшую удлинение похода на несколько дополнительных недель... Имелись и другие основания рассчитывать хотя бы на частный успех: по ряду параметров русская эскадра не уступала врагу: у обеих сторон в боевой линии было по 12 тяжелых кораблей, однако у русской эскадры имелось преимущество в артиллерии крупного калибра³³⁸ (45 орудий против 17). Безусловное преимущество противника в эскадренной скорости (18 узлов против 14), в легких и крейсерских силах (32 вымпела против 17) и в артиллерии средних калибров (177 орудий против 99) не должно было сильно смущать, поскольку оно не представлялось фатальным для хорошо защищенных броненосцев и бронепалубных крейсеров [346]. Флотоводцы всех стран хорошо знали, что в начале XX века разрушающая мощь подавляющей части морских вооружений (за исключением разве что стационарных мин, "подводящих" 30-килограммовый заряд³³⁹ непосредственно к слабозащищенным подводным частям кораблей) заметно проигрывала феноменальной

³³⁸12, 10 и 9 дюймов

³³⁹30 килограммов составляла масса мелинитного заряда сфероконических мин, находившихся на вооружении японского флота в 1904–1905 гг. Масса заряда русских мин того периода составляла 32 килограмма (2 пуда), однако применявшийся в России пероксилин уступал мелиниту в силе детонации.

живучести броненосных кораблей. В течение всех предшествовавших действий на море в русско-японскую войну ни один броненосец ни у одной из сторон не был потоплен артиллерийским огнем или торпедой. Самый свежий пример живучести был продемонстрирован броненосцем "Севастополь", незадолго до падения Порт-Артура вышедшим на внешний рейд, где он, "стоя на якоре, отбил несколько атак десятков японских миноносцев, повредив восемь из них. Из 180 выпущенных по нему торпед попали только две, причем броненосец остался на плаву" [347]. Тем не менее механическое суммирование подобного рода преимуществ само по себе ничего не решало, всерьез рассчитывать на пассивную защиту в качестве решающего фактора успеха недопустимо – на уровне академической истины это должен был знать каждый морской офицер. Слабость Второй тихоокеанской эскадры как боевой единицы была очевидной еще в период ее комплектования, а последствия многомесячного перехода и оторванность от баз не позволяли в очередной раз полагаться на удачу. Удачей было уже то, что далеко не новые корабли завершали плавание протяженностью в 18 тысяч миль без серьезных поломок и потерь.

Секретов на эскадре старались не держать, все было вполне открыто и ясно. В приказе, зачитанном незадолго до Цусимского сражения, адмирал Рожественский лишь мельком упомянул немногочисленные преимущества своей эскадры и подробно остановился на анализе факторов силы противника. Совершенно объективно и прозорливо он отметил превосходство личного состава японского флота в опыте активных боевых действий и, в частности, в оружейной стрельбе. "Преданность японцев императору и империи не знает границ. Они не допускают бесчестья и умирают как герои, – писал в своем приказе адмирал. – Но мы также поклялись перед Всевышним. Господь вдохновляет нашу смелость. Да поможет Он нам преодолеть беспримерные испытания нашего похода... чтобы мы могли выполнить волю нашего Государя и смыть позор с нашей страны нашей кровью" [348]. Соглашаясь с тем, что инициатива в предстоящем сражении будет на стороне японского флота, Рожественский не стал детализировать план боя, ограничившись лишь "общей задачей прорыва, дав несколько частных указаний о месте и действиях крейсеров, миноносцев, транспортов и о передаче командования в бою" [349]. Пример Кутузова, в Бородинском сражении отказавшегося от оперативной регламентации действий русских войск, положившись на мужество солдат и разум

командиров, в самые тяжелые моменты последующих войн неоднократно призывался на помощь. Вот только если морально-нравственное состояние русских войск перед Ляоянской битвой еще можно сравнить с "духом Бородина", то на Второй тихоокеанской эскадре преобладали совершенно другие настроения. И если бы не изначальная внутренняя дисциплинированность основной части офицеров и матросов, предпочитавших в условиях тяготящей неопределенности жестко следовать долгу, то чувство безнадежности и пессимизм уже бы давно парализовали личный состав эскадры.

Вот уже столетие каждого, кто решает прикоснуться к истории Цусимского сражения, не покидает вопрос: а был ли у русской эскадры хотя бы минимальный шанс на морскую победу? Ведь если бы такой шанс существовал, то риск идти Корейским проливом был оправдан, а неизбежные весьма большие жертвы были бы не напрасны. После Цусимы много говорилось и о том, что, сумей Рождественский разгромить армаду Того, пять японских армий в Корее и Маньчжурии, лишившись снабжения, провалили бы летнюю кампанию 1905 года и стали бы окончательно уязвимы с наступлением холодов. Оставаясь на объективных позициях, мы должны честно признать, что подобной возможности не могло быть в принципе. Для того, чтобы решить такую задачу, русская эскадра у берегов Цусимы должна была устроить противнику "второй Синоп", т.е. добиться уничтожения большей части его броненосцев и крейсеров как основных защитников морских коммуникаций. Для этого лучшим кораблям Рождественского надлежало, оставив за пределами будущего района боя устаревшие, вспомогательные и транспортные суда и, расстреляв на тренировочных стрельбах снятый с них боезапас, выйти на встречу с Того с единственной задачей – уничтожить или нанести неприемлемый ущерб кораблям боевой линии противника, пусть даже ценой собственной гибели. Нет сомнений в том, что 4 новейших 18-узловых русских броненосца “Князь Суворов”, “Александр III”, “Бородино” и “Орел”, вступив в осознанный поединок (а не пытаясь решить малопродуктивную задачу прорыва), смогли бы, приблизившись на "смертельное" для обычного боя расстояние 25–30 кабельтовых, добиться гарантированного уничтожения наиболее крупных кораблей противника. После этого оставшаяся часть эскадры могла бы, более не ожидая серьезного противодействия, самостоятельно дойти до Владивостока. Подобный исход, в противоположность цусимскому разгрому, мог бы даже считаться успехом – однако

отнюдь не той победой, которая могла обеспечить России господство на море. Сознательно заплатив за нее своими лучшими кораблями, русскому флоту просто оказалось бы нечем затем это господство поддерживать.

Существовали и другие варианты действий: уже упоминавшийся прорыв через Курилы или Сахалин, который можно было осуществить одновременно в нескольких местах и в разное время³⁴⁰, дополнительная стоянка на германской военно-морской базе Циндао, в которой бы кайзер, обратись к нему с подобной просьбой российский император, в тот момент не решился бы отказать, и где экипажи могли бы получить отдых, дополнительную подготовку, а корабли – ремонт и усиление боезапасом³⁴¹. Можно было, затерявшись в открытом море на несколько дней и истратив 10–15% угля и боезапаса, восстановить навыки стрельб на больших дистанциях и совместного маневрирования в боевом порядке. Все эти варианты действий не обещали громкой победы, однако позволяли сохранить военно-морские силы России на тихоокеанском театре, избежать их чудовищного разгрома.

³⁴⁰Примечательно, что частые туманы в районе Курил, которые обычно приводят в качестве аргумента против прохода эскадры через Курильские проливы, как раз могли бы обеспечить в этом районе необходимую для прорыва скрытность

³⁴¹Возможность подобной стоянки в Циндао формально могла произойти только в режиме интернирования – в противном случае Германия нарушила бы свой нейтралитет и поставила бы себя в состояние войны с Великобританией, обязавшейся по союзному договору с Японией препятствовать вступлению в войну третьих стран. С другой стороны, тогдашний доверительный уровень отношений между Санкт-Петербургом и Берлином в принципе позволял согласовать "самочинный" выход русской эскадры из режима интернирования с необходимым дипломатическим прикрытием в виде "нот протеста" с германской стороны и т.п. Корабли эскадры могли "случайно" и "все вдруг" выйти в море с обновленным боезапасом и полными угольными трюмами, к ним также имели возможность присоединиться порт-артурский эскадренный броненосец "Цесаревич" с тремя миноносцами, с июля 1904 года находившимися в Циндао вместе с экипажами. Наконец, в случае остановки в Циндао, "совершенно больной" адмирал Рожественский, скорее всего, был бы заменен новым командующим.

Бесспорно, что в этом случае адмирал Того, выйдя на перехват "свежей" эскадры, чувствовал бы себя куда менее уверенно, чем вступая в бой с измотанным семимесячным плаванием русским флотом. Русская эскадра не смогла бы нанести тотального поражения японскому флоту (для этого требовалось как минимум увеличить ее состав на 5–7 бронепалубных крейсеров и удвоить число скорострельных среднекалиберных орудий), но, безусловно, с приемлемыми потерями и заметным ущербом для неприятеля сумела бы дойти до Владивостока.

Последние просчеты

В условиях отсутствия шансов на радикальный успех, решение Рожественского о прорыве всей эскадрой было predeterminedено как своей "очевидностью", так и настроениями измотанных и утомленных экипажей, не готовых к радикальной мобилизации на поединок. Не было предпринято абсолютно никаких попыток не только овладеть инициативой – хотя бы путем введения противника в заблуждение, – но и воспрепятствовать ему там, где для этого имелись все условия и где даже минимальный наш успех лишал его бесценного времени на консолидацию флота и подготовку к сражению.

Так, отказавшись от осуществления собственной разведки, Рожественский никак не препятствовал японским дозорам, "ведшим" эскадру уже с Восточно-Китайского моря. Адмирал запретил командиру вспомогательного крейсера "Урал" М.К.Истомину заглушить помехами радиотелеграфную передачу данных о боевом порядке и составе русских кораблей, которую японские разведчики, не скрываясь, вели открытым ключом³⁴². Вопреки бытующему мнению, японский флот не "дождался" русских у берегов Цусимы, а вслед за сообщениями дозорных оперативно развертывался, в одиночку и поотрядно выходя из своих пяти военно-морских баз, расположенных в акватории Корейского пролива [350], а также с базы Мозампо на южном корейском побережье. Зная, что эскадра обнаружена (в ночь на 14 мая ее корабли вошли в Корейский пролив с открытыми огнями), адмирал Рожественский мог бы, уже ничего не теряя, в районе 3 часов утра отдать приказ группе крейсеров уйти вперед и атаковать приблизившийся к ней вспомогательный крейсер-разведчик "Синано-Мару"³⁴³, а с 5 до 8 утра – атаковать большую группу японских крейсеров и миноносцев, двигавшуюся с базы в Сасебо и от островов Гото параллельным курсом. Но, "считая, что расстояние до японских крейсеров слишком велико, чтобы вести успешную стрельбу, он <Рожественский> решил не

³⁴²Радиотелеграфное оборудование относилось к числу тех немногочисленных позиций, которыми Вторая тихоокеанская эскадра была укомплектована по полному достатку. На вспомогательном крейсере "Урал" был размещен особо мощный радиопередатчик, который мог использоваться в качестве постановщика помех, – однако соответствующего приказа не поступало.

³⁴³Привлеченный огнями госпитального судна "Орел", "Синано-Мару" уже завершал сближение, как обнаружил себя в самом центре походной колонны русских кораблей. Неприятельский крейсер мог быть потоплен сосредоточенным огнем за 10-15 минут, однако, по необъяснимой нерешительности командующего, ему было позволено удалиться.

высылать своих крейсеров из-за опасения, что они могут встретиться в тумане с превосходящими силами японцев" [351].

В 8 часов утра 14 мая Рождественский перестроил броненосный отряд в одну кильватерную колонну, поместив вперед 4 лучших броненосца [352]. Крейсера были отправлены назад для охраны транспортных судов – что не могло не сказаться на еще большем ослаблении артиллерийских возможностей боевой линии. Эскадра стала втягиваться в так называемый Восточный проход – 40-мильный пролив между островами Цусима и Икисима. Погода в тот день была безоблачной, однако в воздухе постоянно висела туманная мгла, ограничивавшая видимость расстоянием 50 кабельтовых с утра и 70 кабельтовых днем (12–13 километров против обычных 30). Эскадра Того находилась в боевом порядке в 10 милях севернее Цусимских островов, где в половине второго дня она была обнаружена русскими сигнальщиками. Незадолго до этого Рождественский перестроил корабли боевой линии в две кильватерные колонны, однако при сближении с противником попытался нарушить его расчеты новым перестроением в одну кильватерную колонну, которому должна была помочь внезапно сошедшая полоса тумана... Однако туман рассеялся в самый неподходящий момент, и командующий был вынужден дать отменительный сигнал. Эскадра продолжала движение в двух кильватерных колоннах: в правой 4 новых броненосца, в левой – остальные 8 кораблей боевой линии. Продолжая следовать параллельными курсами, русские корабли становились более уязвимыми при обстреле и испытывали затруднения при ведении собственного огня.

Стремясь выйти на пересечку с курсом кораблей Рождественского, Того предпринял рискованный маневр: перейдя на левый борт русской эскадры, приступил к последовательному развороту влево. Разворачиваясь последовательно на 24 румба (270°), японские корабли на продолжительное время (15 минут!) оказывались в крайне опасной позиции: кильватерная колонна сдваивалась, противник терял возможность прицеливаться, сам превращаясь в практически неподвижную мишень. В момент максимального сближения расстояние до неприятельского флагмана составляло всего 38 кабельтовых (6.9 км), что делало его легкой добычей практически всех калибров русских броненосцев – даже с учетом недостатка у артиллеристов Второй тихоокеанской эскадры боевого опыта.

Тем не менее адмирал Рожественский не осмелился воспользоваться этим единственным реальным шансом завладеть инициативой в Цусимском бою, который в последний раз дарил судьба его несчастной измученной эскадре, и не стал открывать огонь в момент максимальной уязвимости главных сил противника. Первый залп с флагманского броненосца "Суворов" прозвучал только в 13:49, когда японцы уже завершали свой рискованный маневр³⁴⁴.

Начало Цусимского морского сражения: гибель флагмана и броненосцев боевой линии

В 13:51 на главной мачте флагманского броненосца "Микаса" взвился сигнал "От результата боя зависит судьба империи. Пусть

³⁴⁴В терминах военно-морской тактики, Того принял решение атаковать русскую эскадру при маневре, известном как "пересекая Т" ("кроссинг Т"). При этом маневре атакующие корабли идут наперерез боевой линии противника, передавая друг другу "эстафету" огня по неприятельским лидерам, которые необходимо вывести из строя в первую очередь.

Делая выбор в пользу "кроссинга Т", Того в полной мере использовал известное преимущество японских броненосцев в эскадренной скорости, а также возможность ведения огня на дальних дистанциях (от 30 кабельтовых). Японский флот хорошо был подготовлен к "дальному бою": наряду с лучшей выучкой артиллеристов, его корабли имели на вооружении мощные фугасные снаряды с массовой долей взрывчатого вещества, доходившей до 14%, в то время аналогичный показатель в русских бронебойных снарядах не превышал 2.5% [353]. *Однако по-настоящему трагической ошибкой при укомплектовании эскадры бронебойными снарядами стала недооценка их объективно низкой эффективности на больших и сверхбольших дистанциях боя: бронепробиваемость русского 12-дюймового снаряда на "рабочей" дистанции Цусимского боя 40 кабельтовых составляла 159 мм против 381 мм на начальной траектории [354]. Броня японских кораблей легко выдерживала подобные попадания, в то время как попадание японского фугасного снаряда с любой дистанции вызывало гарантированные повреждения от объемного взрыва.*

В результате достаточно редкие прицельные попадания русских снарядов причиняли противнику минимальный ущерб, в то время как любой удавшийся японский выстрел приводил к поражению обширного пространства, с особой губительностью проникая в весьма многочисленные небронированные участки. Свою трагическую роль сыграли складированные на верхних палубах русских кораблей дополнительные запасы угля, вызывавшие многочисленные пожары.

О небывало низкой разрывной силе русских снарядов в Цусимском сражении свидетельствует "показание офицера, шедшего на крейсере "Идзумо" в японский плен. Двенадцатидюймовый снаряд наш попал в кают-компанию крейсера, взорвался, выворотил какую-то рубку, переборку, лестницу, раздробил в щепы груды дерева... и ни одна щепочка не носила следов обжога..."[355]. Причиной беспрецедентного снижения взрывной энергии могли стать отсыревание пироксилина в течение семимесячного похода, равно как и махинации поставщиков взрывчатки, в том числе мотивированные японской агентурой. Не переоценивая разведывательно-диверсионных возможностей противника, заметим, что в условиях распространения революционных настроений среди рабочих военных заводов подобное не было невозможным.

каждый напряжет все свои силы". Спустя минуту японские корабли открыли ответный огонь. Дистанция к тому времени сократилась до 35 кабельтовых; обладая преимуществом в ходе, все 12 кораблей японской боевой линии, оперативно распределив между собой "огневую ответственность", начали обгонять русскую эскадру, выходя ей в голову. "Японская артиллерия производила большие разрушения на русских кораблях... В 14:25 <броненосец>"Ослябя", имея большой крен, вышел из строя и через 25 минут перевернулся и затонул³⁴⁵. В 14:30 из-за повреждения руля вышел из строя вправо <флагманский> броненосец "Суворов". Мачты и реи его были сбиты, все фалы сожжены, так что никаких сигналов поднять было невозможно. Адмирал Рожественский к этому моменту был ранен³⁴⁶. Головным стал броненосец "Александр III", который, не зная, почему "Суворов" вышел из строя, сначала пошел за ним, но затем повернул влево... Это был решающий момент боя. После выхода из строя флагманского броненосца русская эскадра, не имевшая плана боя и теперь лишенная руководства, была обречена на поражение. Доблестно сражаясь с японцами, она пыталась так или иначе пробиться к Владивостоку" [356]...

Броненосец "Суворов" в одиночку направился на север, рассчитывая укрыться в сгущающейся туманной мгле, однако был перехвачен дивизионом крейсеров вице-адмирала Х.Камимур. Не слушающийся руля русский флагман оказался в положении почти беззащитной мишени, расстреливаемой со всех направлений. Броненосец был подбит несколько раз, у него оставалась только одна мачта и работала лишь одна орудийная башня, огонь которой, тем не менее, по-прежнему достигал крупногабаритных вражеских кораблей. Вскоре крейсера ушли, уступив "место работы" дивизиону японских миноносцев, специально посланному для проведения торпедной атаки. Дымящийся от многочисленных пожаров "Суворов", к этому моменту уже полностью потерявший ход, сумел тем не менее отбить торпедную атаку, серьезно повредив один неприятельский миноносец [357].

Долгое время попытки других русских кораблей приблизиться к горящему флагману для эвакуации раненого адмирала

³⁴⁵«Ослябя» перевернулся через левый борт и некоторое время оставался на плаву, что позволило уцелевшим членам команды держаться за борт и киль. Четыре подоспевших русских миноносца сумели спасти 385 из 900 членов его экипажа [358].

³⁴⁶Рожественский получил несколько ранений в голову, у него был перелом основания черепа с сильнейшим кровотечением. Менее чем через полчаса после первого залпа командующий эскадрой находился в бессознательном состоянии и не мог контролировать ход сражения.

Рожественского со штабом непременно пресекались японским огнем. Лишь в 17 часов к борту разбитого "Суворова" сумел подойти миноносец "Буйный". На его мачте немедленно был поднят сигнал о передаче командования адмиралу Небогатову. Однако этот сигнал не был замечен на втором флагмане – броненосце "Николай I" (лишь к семи часам вечера, спустя пять часов после ранения адмирала, к кораблю смог приблизиться миноносец "Безупречный", откуда голосом было сообщено о передаче командования и о приказе вести эскадру во Владивосток).

**После шока: остатки
русской эскадры
пытаются
восстановить строй и
уйти на север**

После гибели "Осляби" и выхода из боевой линии "Суворова" русская эскадра уже не могла действовать согласованно, однако командирам кораблей каким-то чудом удавалось поддерживать подобие боевого порядка.

Преследующие их японские корабли несколько раз совершали развороты с выходом на пересечку курса, причиняя головным кораблям эскадры тяжелейшие повреждения. К половине пятого туман сгустился настолько, что позволил кораблям русской боевой линии, ведомых теперь броненосцем "Бородино", скрытно оторваться от ушедших на север японских броненосцев и вернуться к оставшемуся на юге для защиты транспортов отряду крейсеров под командованием контр-адмирала О.А.Энквиста, уже несколько часов ведших достаточно успешный бой с крейсерами противника. Здесь израненные в дневном бою броненосные монстры сполна продемонстрировали свою сохранившуюся мощь, огнем из главных калибров быстро разметав японские крейсера³⁴⁷. К несчастью, японские линкоры достаточно быстро вернулись и с 18:06 открыли огонь по лидерам возобновившей движение на север русской эскадры – броненосцам "Бородино" и "Александр III". В 18:30 эскадренный броненосец "Александр III" неожиданно опрокинулся и затонул – произошло это столь стремительно, что из находившихся на борту 836 человек спастись удалось только четверем. В 19:10 столь же неожиданно взорвался и стремительно затонул броненосец "Бородино" – видимо, в обоих случаях японские

³⁴⁷Обширные пробоины ниже ватерлинии получили флагман адмирала Девы крейсер "Касуга", а также отличившийся в сражении с "Варягом" флагманский корабль адмирала Уриу крейсер "Нанива": оба корабля были вынуждены выйти из боя. На следующий день, словно сводя счеты за Чемульпо, крейсер "Дмитрий Донской" в своем последнем бою едва не отправит "Наниву" на дно.

снаряды смогли поразить артиллерийские погреба. Из экипажа "Бородино" чудом спасся лишь марсовый матрос С.Ющенко, т.к. на сей раз японцы, вопреки своей обычно широко демонстрируемой "гуманитарной корректности", сознательно не позволили русским кораблям провести на месте гибели броненосца спасательную операцию [359].

Буквально сразу же после гибели "Бородино", на втором флагмане броненосце "Николай I" был принят приказ о принятии командования эскадрой адмиралом Небогатовым. Движение на север продолжилось, причем на этот раз заходящее за горизонт солнце, словно внезапно сжалившись над несчастливой русской армадой, мешало японцам поддерживать прицельный огонь.

Между тем в стороне от понесшей невосполнимые потери, но все-таки не потерявшей управляемость и строй эскадры беспомощно дрейфовал оставшийся без адмирала броненосец "Суворов", сопровождаемый ремонтным судном "Камчатка". На броненосце продолжался пожар, он принял несколько сотен тонн воды и имел сильный дифферент. Тем не менее за несколько часов, в течение которых эти два корабля были потеряны неприятелем из виду, команда "Суворова" сумела починить одно из поврежденных орудий, так что теперь на бывшем флагмане действовали две 12-дюймовых батареи. Когда на исходе дня к броненосцу подошли корабли трех японских дивизионов, его могучие залпы стали для врага неприятной неожиданностью. Японцы сконцентрировали огонь на "Камчатке", вызвав на судне огромные потери и пожар. Командир корабля капитан 2 ранга А.И.Степанов был убит, командование перешло к лейтенанту Никонову. Неожиданно часть плавсостава – в основном "полугражданских" механиков судовой мастерской – потребовала подъема белого флага, мотивируя желание сдаться тем, что японцы продолжают вести огонь по находящимся в воде морякам с кораблей, тонущих под неспущенным военно-морским полотнищем. Лейтенант Никонов, умирая от ран, имел мужество сказать "нет", и корабль ушел на дно с развевающимся Андреевским стягом [360], [361]. После гибели "Камчатки" часы "Суворова" были сочтены. Когда навсегда замолчали его 12-дюймовые орудия, против линкора была проведена торпедная атака. Но уже после попадания двух вражеских торпед и начала необратимого погружения на корме "Суворова" внезапно заговорило чудом уцелевшее небольшое орудие, отогнав японские миноносцы от места их кровавого пиршества. Около семи часов вечера эскадренный броненосец "Суворов" скрылся под водой, ни одному

из его матросов и офицеров, остававшихся на борту после эвакуации адмирала Рожественского со штабом, спастись не удалось.

С окончательным наступлением сумерек Того дал распоряжение об отводе главных сил японского флота к острову Уллындо, лежащему к северу по линии движения на Владивосток. За работу принялись около 60 японских миноносцев, практически в течение всей ночи не прекращавших торпедные атаки русской эскадры, медленно продвигавшейся к северу. Несмотря на тяжелейшие потери, понесенные 14 мая, эскадра, ведомая Небогатовым, по-прежнему представляла внушительную силу: 4 эскадренных броненосца, 3 броненосца береговой обороны, 1 броненосный крейсер, 8 крейсеров 1-го и 2-го рангов, 9 миноносцев. Часть кораблей отстала, но тем не менее под оперативным управлением Небогатова, державшего флаг на "Николае I", продолжали оставаться броненосцы "Орел", "Адмирал Синявин", "Генерал-адмирал Апраксин" и крейсер "Изумруд".

В течение первой половины ночи (с 21 до 23 часов) по русским кораблям было выпущено 75 торпед, из которых цели достигли лишь шесть. Неприятельские миноносцы нападали в основном на отставшие корабли, которые в условиях потери строя были вынуждены светить прожекторами и тем самым демаскировали себя³⁴⁸. Поражены были эскадренные броненосцы "Сисой Великий" и "Наварин", броненосный крейсер "Адмирал Нахимов", крейсер 1-го ранга "Владимир Мономах". Непосредственно от торпеды погиб только броненосец "Наварин" (спаслись 3 человека), остальные суда продержались на воде до утра, когда были затоплены при приближении противника, а их команды взяты в плен.

За два века существования российского флота русские моряки неоднократно попадали в плен, но никогда – целыми командами и кораблями. Цусимская катастрофа нарушила эту высокую традицию.

Разгром

Первой список сдавшихся открыла команда "Владимира Мономаха", перехваченного японскими крейсерами на пути к Шанхаю. Получивший тяжелейшие повреждения от торпедной атаки, броненосный крейсер "Адмирал Нахимов" после эвакуации команды готовился капитаном

³⁴⁸Корабли, следовавшие непосредственно с отрядом Небогатова, в соответствии с его распоряжением не включали прожектора, в результате чего ни один из них не был поврежден.

к подрыву, однако корабельные минеры, рассчитывая на привилегии в японском плену, покидая борт, успели вывести из строя электроцепь. Оставшиеся на крейсере капитан 1 ранга А.А.Родионов и штурман лейтенант В.Е.Клочковский, не сумев привести в действие пироксилиновые шашки, укрылись в кормовой части корабля, став свидетелями его захвата корабля японской призовой командой и подъема на фок-мачте вражеского флага. Когда убедившиеся в неизбежности затопления крейсера японцы покинули корабль, выбравшиеся из укрытия офицеры сорвали неприятельский флаг. До конца выполнившие свой долг капитан и штурман провели в воде более семи часов и были подобраны рыбаками.

Разбросанными по морю оказались крейсера из отряда контр-адмирала О.А.Энквиста, сумевшие достойно выстоять в первый день сражения. Крейсер 2-го ранга "Алмаз" под командованием капитана 2 ранга И.И.Чагина, которому посчастливилось уйти от преследования норд-остом вдоль западного побережья Хонсю, стал единственным из крупных кораблей Второй тихоокеанской эскадры, сумевшим достичь Владивостока³⁴⁹. Оставшиеся под командой Энквиста крейсера 1-го ранга "Аврора", "Олег" и крейсер 2-го ранга "Жемчуг" еще накануне вечером взяли курс на юго-запад и смогли дойти до Манилы, где были интернированы контролирующими Филиппины властями США.

Последняя организованная часть Второй тихоокеанской эскадры под командованием Небогатова, благополучно избежавшая ночных атак и продолжавшая движение к Владивостоку кратчайшим северным курсом, в районе острова Уллындю к 10 часам утра оказалась окруженной основными силами Того. "Команды наши были поражены «щегольским видом» японских судов, словно они и не были накануне в горячем бою. Это подействовало удручающе, но все еще готовились к бою" [362]. Пользуясь штилем, японцы произвели точное прицеливание и, с невиданной доселе в мировой морской истории дистанции 60 кабельтовых (11 километров), открыли невероятно точный огонь. В течение каких-то 10 минут на броненосце "Николай I" уже было шесть пробоин. Наши орудия молчали – они были бессильны вести огонь на подобной дистанции. После короткого совещания со штабом, Небогатов капитулировал³⁵⁰.

³⁴⁹ Вместе с крейсером "Алмаз" до Владивостока сумел также дойти эскадренный миноносец "Бравый"; третьим кораблем, достигшим конечной точки похода, стал миноносец "Грозный".

³⁵⁰ Как выяснилось впоследствии, одной из причин быстрой сдачи кораблей Небогатова стали панические сообщения офицеров об эскалации капитулянтских настроений среди матросов. В Цусимском бою высокая доблесть то и дело

На всех оставшихся с ним кораблях были подняты белые флаги³⁵¹. Сигнал о сдаче не разобрали (или не захотели разобрать?) только на крейсере 2-го ранга "Изумруд" под командованием капитана 2 ранга В.Н.Ферзена. Дав самый полный ход, "Изумруд" прорвался через кольцо японских кораблей и ушел по направлению на Владивосток. Уже находясь у родных берегов (залив Святого Владимира, траверза мыса Ореховый), крейсер наскочил на камни и был взорван, а его команда сухим путем добралась до Владивостока.

Около 11 часов утра в сорока милях к западу от точки, где капитулировал отряд Небогатова, два японских корабля настигли крейсер 1-го ранга "Светлана" под командованием капитана 1 ранга С.П.Шейна. Экипаж "Светланы" решительно вступил в бой, однако после получения огромной пробоины в носовой части был вынужден покинуть корабль. Несколькими часами позже у берегов Кореи были аналогичным образом затоплены принявшие неравный бой миноносцы "Быстрый" и "Громкий".

Остаток дня 15 мая Объединенный императорский флот Японии провел в охоте за разбросанными по морю русскими кораблями. Около 16 часов японские миноносцы настигли миноносец "Бедовый", на борту которого после гибели "Буйного" находился раненый адмирал Рожественский. Не предприняв ни малейшей попытки дать бой или попытаться уйти в отрыв, командующий Второй тихоокеанской эскадрой вместе со всем своим штабом сдался в плен [363], а миноносец был отконвоирован в Сасебо³⁵². В то же время следовавший вместе с "Бедовым" миноносец "Грозный"

сосуществовала с малодушием – видимо, в условиях утраты смысла войны и победы это было закономерно.

³⁵¹За сдачу в плен без должного сопротивления уволенный со службы Небогатов с бывшими командирами судов его отряда Лишиным, Григорьевым и Смирновым в декабре 1906 года Судом особого присутствия Военно-морского суда Кронштадтского порта были приговорены к смертной казни, замененной по Высочайшему ходатайству заточением в крепость на десять лет. Реально заключение продлилось 25 месяцев: в начале 1909 года бывшие флотона начальники вместе с осужденным за сдачу Порт-Артура генералом Стесселем вышли на свободу. Считается, что причиной досрочного освобождения осужденных стала случившаяся в январе 1909 года смерть от сердечного приступа адмирала Рожественского – так же прошедшего через суд, однако оправданного.

³⁵²В Японии З.П.Рожественский считался наиболее "почетным" из контингента русских военнопленных и содержался с максимально возможным комфортом и медицинским попечением. Вернувшись в Россию в конце 1905 года, вместе с офицерами своего штаба и командиром сдавшегося без боя миноносца "Бедовый" адмирал был предан военно-морскому суду. Принимая во внимание беспомощное состояние находившегося без сознания Рожественского, суд признал его невиновным. Офицеров же приговорили к расстрелу, вскоре, по инициативе самого суда, замененному на "отставление от службы".

под командованием капитана 2 ранга К.К.Андржеевского, увидев, что тот поднимает сигнал о сдаче, дав максимальный ход, стал уходить, из кормовых орудий сумев при этом нанести серьезные повреждения бросившемуся вдогонку вражескому миноносцу. Без компаса, с поврежденными рулями, "Грозный" в конце концов достигнет Владивостока.

В тот же вечер доблестно погиб последний оставшийся в строю броненосец береговой обороны "Адмирал Ушаков". В 17:30 к нему приблизились два броненосных крейсера противника и предложили сдаться. Командир корабля капитан 1 ранга В.Н.Миклуха-Маклай (родной брат знаменитого путешественника) в ответ на японское предложение распорядился открыть огонь. Скудный огнезапас был израсходован уже спустя 40 минут, после чего на броненосце были отворены кингстоны [364]. Японскому плену командир предпочел гибель вместе со своим кораблем.

Около 19 часов отрядом из шести легких японских крейсеров был настигнут крейсер 1-го ранга "Дмитрий Донской". Несмотря на явное неравенство сил, командир корабля капитан 1 ранга И.Н.Лебедев вступил в бой, ведя огонь на оба борта, и в конце концов сумел оторваться от преследователей. К сожалению, полученные крейсером повреждения сделали дальнейшее плавание невозможным. По приказу командира крейсер был затоплен на большой глубине, а команда на шлюпках отправилась к берегам Уллындю, в неизбежный плен.

Из пяти вспомогательных судов (не считая погибшей "Камчатки") два были потоплены, два смогли дойти до Шанхая (транспорты "Свирь" и "Корея"), а считавшийся пропавшим без вести транспорт "Анадырь" спустя месяц после сражения объявился в порту Диего-Суарес на Мадагаскаре³⁵³.

³⁵³Единственным относительно светлым эпизодом в период "после Цусимы" стали результаты рейдерства ранее отделившихся от основных сил эскадры четырех крейсеров 2-го ранга, переоборудованных из коммерческих пароходов. Так, крейсер "Рион" (бывший торговый пароход "Смоленск") на линии Шанхай – Нагасаки взял призом одно судно и одно потопил. Крейсер "Терек" (бывший пароход "Петербург") занимался "истреблением торговли" у восточного побережья Японии: 23 мая он уничтожил английский транспорт "Айкон" с грузом взрывчатки, а 8 июня – датский транспортный лайнер "Принцесса Мария" с грузом металла. Четыре парохода были досмотрены "Днепром", оперировавшим в районе Гонконга, а английский транспорт "Сент Кильд" был им потоплен.

Узнавая с проходящих нейтральных судов печальную весть о разгроме эскадры, к которой они были приписаны, командиры крейсеров, не желая нарушать морское право и "превращаться в корсаров", отдавали приказ ложиться на обратный курс. Три крейсера смогли благополучно вернуться в родные воды, лишь "Терек", занесенный

**Новость, которой
отказывались
верить**

Так завершилось длившееся почти тридцать часов Цусимское морское сражение. Никогда еще русский флот не нес столь невосполнимых потерь, никогда еще в отечественной военной истории поражение не оказывалось столь безответным и безнаказанным для врага. Потери составили 216 офицеров и 4614 матросов убитыми, 278 офицеров и 5639 матросов, включая раненых, были взяты в плен, 70 офицеров и 1783 матроса были интернированы властями нейтральных стран. Потери противника в сражении составили лишь 110 офицеров и матросов убитыми и 590 ранеными [365]. Многие из японских кораблей получили повреждения, однако на дно ушли всего лишь 3 неприятельских миноносца. Различие в уровне потерь колоссальное! Конечно, его можно объяснить тем, что на первом этапе боя, когда борьба велась в основном между крупными кораблями, японский флот обладал *стратегическим преимуществом в артиллерийском огне*, нанося с максимально больших дистанций серьезнейшие повреждения русским кораблям без адекватного противодействия с их стороны; содержанием же второго этапа была *охота* превосходящими силами за одиночными и ослабленными остатками русской эскадры... Все это так, только рациональных доводов здесь явно недостаточно: в предыдущих сражениях русские корабли даже под самым жестоким огнем демонстрировали феноменальную живучесть³⁵⁴, а об успехах японских “охотников” против порт-

штурмом в южную часть Тихого океана, интернировался в Батавии (совр. Джакарта). Кстати, “Рион” еще долгие годы служил в составе Черноморского флота и прославился тем, что на его борту в ноябре 1920 года из обреченного под ударами армий М.Фрунзе и Б.Куна “белого Крыма” в Константинополь было эвакуировано максимальное число беженцев – более 7 тысяч человек.

³⁵⁴Если по морским меркам стремительную (за 25 минут) гибель броненосца “Ослябя” еще можно объяснить его изначально недостаточными мореходными качествами и перегрузкой углем, то внезапное затопление броненосцев “Александр III” и “Бородино” могло быть вызвано только поражением хорошо защищенных артиллерийских погребов. Математическая вероятность двух столь успешных попаданий при ведении огня с максимальных дистанций, и к тому же случившихся с интервалом всего в 40 минут, ничтожна, и должна лежать вне пределов возможного. Однако из кибернетики известно, что если событие является частью некоего экзогенного процесса, хотя бы и не понимаемого нами, оно перестает быть случайным, хотя внешне и продолжает казаться таковым. С какими же именно таинственными процессами столкнулась Россия в 1904–1905 гг.? В их основе мог быть не только “глобальный заговор”, но и глубочайший кризис русского социума, принципиальные измерения которого так и остались невидимыми для теорий, в свое время поспешивших объявить о его “разгадке” в терминах марксистской политэкономии, либерального позитивизма или всемирно-исторической “формулы прогресса”.

артурских миноносцев или владивостокских крейсеров мир почему-то так и не узнал. “Измена!” – такой была первая массовая реакция, вызванная в России сообщениями о цусимских потерях. Либерально-революционная часть общества поспешила все списать на “прогнившее самодержавие”. Но Россия воевала и до, и после Цусимы, однако ни перманентные “заговоры”, ни “трухлявый режим” никогда не приводили ни к чему подобному – взять хотя бы сухопутные сражения той войны, в которых, несмотря на постоянные отступления, потери русской армии всегда оказывались значительно ниже, чем хотелось бы противнику. Не поэтому ли не поддающуюся рациональному объяснению Цусимскую катастрофу многие восприняли как мистический знак – наиболее значительный в ряду многих, упрямо суливших России кровь и многие печали?

По сравнению с жертвами сухопутной Маньчжурской армии цусимские потери были невелики – однако именно они по-настоящему всколыхнули верхний слой русского общества. Ведь если под Ляояном и Мукденом гибли, в основном, провинциальные офицеры и резервисты, то на сгинувших кораблях Балтийского флота были представлены первые семейства России. А с наиболее “элитного” по составу офицерского корпуса броненосца “Александр III” спаслись, как мы помним, лишь четыре человека [366].

Общественное мнение страны не было готово в одночасье принять весть о столь небывало страшном поражении. Сообщения иностранных агентств вызывали недоверие, вслед за приходом во Владивосток трех уцелевших кораблей, команды которых не обладали исчерпывающим представлением о всех событиях и результатах состоявшегося сражения, все с нетерпением ожидали появления остальных... Шок был столь глубоким, что даже обыкновенно беспощадная к “режиму” либеральная пресса первые дни не спешила с убийственными заключениями. По воспоминаниям Н.В.Вороновича, газеты постепенно подготавливали “нас к этому трагическому известию. Сначала в ней <речь идет о газете “Вестник Маньчжурских армий” – Авт.> появилась краткая телеграмма о начавшемся у берегов Японии морском сражении, в котором японцы понесли якобы огромные потери. О наших потерях не было сказано ни слова. Через день была помещена другая телеграмма, сообщавшая о том, что несколько наших крейсеров соединились с владивостокской эскадрой и что бой, в котором обе стороны понесли чрезвычайно тяжелые потери, еще продолжается. И только на 7-й день было опубликовано официальное сообщение о постигшем Россию ужасном поражении. Последняя надежда

выиграть войну была потеряна. Все ясно понимали, что теперь не может быть и речи о продолжении кампании" [367].

**Весы
судьбы или
весы
смысла?**

История похода Второй тихоокеанской эскадры и ее гибели у берегов Цусимских островов несет неизгладимый отпечаток самоубийственной обреченности и крайнего в своей трагичности неблагоприятного стечения обстоятельств. Всё – начиная с готовности адмирала Рожественского направить свою энергию, авторитет и влияние для того, чтобы более чем веские сомнения не смогли задержать выхода эскадры, и кончая решительным нежеланием воспользоваться для ее сохранения обходными маршрутами – говорит как о психологической готовности к трагической развязке, так и о стойком нежелании предпринимать усилия по овладению инициативой и изменению ситуации к лучшему. Готовность к развязке, к жертве – это одна из предельных координат героического акматического идеала, отказаться от которого никто из ключевых персоналий цусимской катастрофы не был готов. Отсутствие же желания активного сопротивления обстоятельствам связано, скорее всего, с образованием в забуксовавшей этносоциальной системе энергетического излишка, когда получившая осознание невозможность добиваться прежних привычных результатов вызывает болезненность восприятия бытия и толкает на борьбу с ним:

...Кто б стал терпеть судьбы насмешки и обиды,
Гнет притеснителей, кичливость гордецов,
Любви отвергнутой терзания, законов
Медлительность, властей бесстыдство и презренье
Ничтожества к заслуге терпеливой,
Когда бы сам все счета мог покончить...?
Кто б снес такое время...³⁵⁵

Действительно, кто бы снес? От развязки благо разумно откажется тот, кто чувствует в себе достаточную готовность день за днем “испытанные беды сносить”. Однако избыток энергии действия, который более не может быть поглощен ни борьбой за жизненное пространство, ни его обустройством, ни методичным ратным трудом, как раз и дает возможность выбора. Императив “к

³⁵⁵из монолога Гамлета в переводе великого князя Константина Романова (1899)

неизведанным <бедам> бежать” оказывается единственно приемлемым (с точки зрения акматических принципов) направлением действия, способным поглотить нарастающий энергетический излишек. Оказавшийся в подобной ситуации индивидуум не ищет собственной гибели (что есть грех) – он лишь устраняет существующие в каждой культуре, в каждом социуме элементы безопасности, пуская свою жизнь в открытый поток судьбы.

Но если последствия личного выбора такого рода достаточно ясны: смерть и жизнь, бесконечно долго балансируя, могут поменяться местами только один раз, стало быть, в восприятии индивидуума их вероятности равны, – то в масштабах социума, где индивидуальная неудача, в том числе и смерть, почти ничего не меняют, на первый план выходит действительная, “органичная” удачливость. От того, сколь благосклонной богиня случая Тихэ будет в целостной цепочке событий, в подобные критические моменты истории зависит судьба консорции, общества, страны.

Цусимская гекатомба явилась кульминацией, пределом неудач России в войне, трагически прервавшей ее до этого в целом успешную территориальную экспансию на Восток. Что могло стать фундаментальной причиной этих неудач, что, в нарушение всех законов вероятности, отобрало у одной из воюющих сторон ее законное военное счастье, которое могло бы если и не привести к убедительной победе, то уж, по крайней мере, уравновесить поражения адекватными успехами?

Этот феномен не связан с традиционными для анализа русско-японской войны военно-техническими, политическими или организационно-управленческими предпосылками, обычно трактуемыми либо через “системный кризис царизма”, либо через “заговор” внутренних и внешних ”сил”. Не отрицая существования и возможной роли того и другого, позволю себе усомниться в их столь выдающейся глобальности, равно как в вопиющем отсутствии противодействующих факторов. Ведь, случись так, старая Россия должна была погибнуть куда как раньше и безнадежнее... Неудачи русско-японской войны нельзя объяснять и тем, что “Бог отвернулся от России” – понятных резонансов для этого в России начала XX века было не так уж и много, во всяком случае, многие другие страны имели куда больше оснований на Высший гнев.

Естественно предположить, что ключ к пониманию постигших Россию неудач, обрушившихся буквально вслед успешному

трехвековому государственному строительству и утверждению на новых землях, следует искать в той области, где внезапный надлом оказался наиболее очевидным и заметным. Таковой, как мы видели, была сфера национального целеполагания. Не имея за спиной должным образом обустроенных результатов территориальной экспансии и не видя долгосрочных перспектив текущим усилиям, вовлеченные в их круговорот сотни тысяч соотечественников, участников тех событий, не могли опереть волю на фундамент ясной целесообразности, оправдывая свои и чужие жертвы весомым смыслом.

Не только из религиозного, но и просто из житейского опыта известно, что истовое ожидание, надежда, молитва неведомым нам образом формируют и исправляют реальность. Многие явления, которые с равной вероятностью могли иметь разнонаправленные исходы, приобретают для просящего благоприятное течение. Однако при одном условии: в основе этого прошения лежит не сиюминутная страсть, но существенная жизненная потребность, а его оправданием является искренний поиск правды. Имеющему религиозный опыт человеку не надо объяснять, *чем* коллективная, сугубая молитва сильнее случайного обращения к Богу, а молитва священника или старца – сильнее молитвы неофита.

Вселенная, вознесшаяся по воле Творца над бездной небытия, вряд ли является законченной и неизменной сущностью, на лоне которой человечеству уготована роль резвящегося стада с наперед заданной программой рождения, жизни и смерти. Ведь слишком многие вещи могут быть объяснены и оправданы только с позиций текущего, не прекращающегося ни на один миг, сотворчества человека и Бога. Это сотворчество, равно как и окружающий нас мир, в своей основе имеют не материальную, а знаковую природу, доступной формой выражения которой для нас является слово или мысль. Подобно тому как в начале XX века физики мира были поражены “исчезновением вещества” – когда считавшиеся кирпичиками мироздания элементарные частицы вдруг оказались не более чем “сеткой” энергетических потенциалов, или в своей первооснове логических знаков, “наброшенной” над леденящей Пустотой, – сегодня мы можем куда более поражаться беспредельной случайности и немотивированности биологической жизни, не говоря уже о существовании человека с его осмысленными духовными поисками... Если человеческой жизни попытаться отыскать физический смысл, то таковой должен состоять в создании новых упорядоченных узлов в сетке

мироздания, предотвращающих дрейф мира через хаос (энтропию) в его первобытное создание – абсолютное небытие. И в этом процессе, похоже, человеку даны и настоящее право выбора, и свобода действий. Однако от него скрыты суть мироздания и его первичные законы, человеческие мысль и воля скорее порождают запрос к изменению рисунка бытия, чем каким-либо образом сами участвуют в нем. Благоприятный для человеческого разумения ход событий выстраивается волею Творца, но происходит это лишь в том случае, если запрос *оправдан*, т.е. когда его цель – относительно всех остальных – в большей степени устремлена на улучшение природы человека, нежели на бездумное следование обесценивающимся идеалам. “Исчислил Бог царство твое и положил конец ему // Ты взвешен на весах и найден очень легким” [Дан. 5:26, 5:27]. Из этих мистических слов пророка Даниила, произнесенных на пиру Валтасара, видно, что, предоставляя или отзывая свою поддержку, Творец, в силу отсутствия в людском мире равных ему абсолютных смыслов, сравнивает имеющиеся. И устройство свыше получает не тот, в чьих руках больше оружия и силы, а тот, чьи чаяния и надежды более оправдывают жертвы, пот и кровь.

Не берусь судить, какая из сторон в событиях русско-японской войны оказалась в положении оправданной Богом. Борясь с Россией за Маньчжурию, японский народ (а для Японии эта война действительно имела общенациональный характер) вел, прежде всего, борьбу за собственное самоутверждение, в то время как русское общество так и не решилось признать смыслом войны защиту *своей, русской* территории, предпочитая проливать кровь за абстрактную “русскую честь”. Возможно, оправданными оказались чаяния китайцев, которым еще только предстоял мучительный переход от полумертвой империи – через оккупацию и коммунистическую деспотию – к более справедливому и гуманному государственному устройству. Возможно, что неудачи России были не наказанием, а лишь предупреждением, вняв которому страна вскоре начала динамично преобразовываться, и если бы не последовавший в августе 1914 года срыв в “героическое прошлое”, ее судьба могла бы сложиться куда счастливей... Лично для меня налицо тот факт, что начавшая проявляться задолго до 1904 года дисгармония в “сугубой молитве” России о Востоке лишила русскую армию и флот, все российское присутствие в Маньчжурии той гармоничной удачливости, которая не изменяла нам со времен Ермака. А наличие в событиях обороны Порт-Артура и Мукденской битвы ряда эпизодов, когда удача, казалось бы, ненадолго, но зримо

возвращалась, лишь подтверждает закономерность: происходило это там, где воскресалась надежда на то, что русская кровь проливается не на чужой земле.

Немыслимая по своему масштабу и оглушающей боли Цусимская катастрофа стала более чем явным указанием: о продолжении сухопутной войны – даже при всех наконец-то реализованных стратегических преимуществах русской армии – теперь уже не может быть и речи. Будучи человеком религиозным и определенно умеющим читать подтекст событий, Николай II сделает для себя соответствующие выводы.

**Успехи
больше не
нужны**

Новый командующий сухопутной группировкой русских войск в Маньчжурии генерал Н.П.Линевич и сохранивший за собой должность командира 1-й Маньчжурской армии генерал Куропаткин обоснованно предлагали Николаю II новый план наступления. На этот раз русские позиции к северу от Мукдена, в районе города Сипингай представлялись по-настоящему неприступными³⁵⁶, численность войск, составлявшая на конец марта 464,5 тысяч человек, по мере развертывания 13-го армейского корпуса, эшелоны с которым растянулись на пол-России – от Челябинска до Харбина, – к лету должна была приблизиться к миллиону. Русские разведчики все чаще приводили из-за линии фронта субтильных юных новобранцев и солдат в возрасте³⁵⁷ – верный признак наступившего у противной стороны истощения ресурсов живой силы. Впервые за весь ход войны практически повсеместно подразделения получили значительный сверхкомплект (численность строевого состава рот достигала 200 человек против обычных 130–150), в достатке появились пулеметы, гаубичные батареи, средства связи. Никогда еще в своей истории Россия не выставляла такой силы армию и, похоже, до 1905 года сопоставимая по численности и ударной мощи войсковая группировка, собранная

³⁵⁶Кроме того, за Сипингаем были дополнительно устроены Гунчжулинская и Куанчензинская линии обороны, севернее находилась река Сунгари, обеспечивавшая абсолютно возможную степень защиты Харбина, следующего по значимости после Порт-Артура русского города в Маньчжурии [369]. Поэтому встречающиеся иногда рассуждения о том, что после Мукдена и Цусимы японские войска-де угрожали уже Амурской области Приморью, не имеют под собой ни малейших оснований.

³⁵⁷В начале 1905 года в Японии была мобилизована молодежь, подлежавшая призыву в 1906 году. В Маньчжурию также были направлены военнослужащие сил территориальной обороны, жандармерии и т.д.

в одном месте для решения одной задачи, не имела прецедентов в мировой истории войн³⁵⁸ [368].

Гарантированная в своем успехе “Сипингайская наступательная операция”, решись на нее руководство России, могла бы не только затмить своим масштабом великие битвы прошлого, но на несколько ближайших десятилетий уверенно поддерживать в мире представление о несокрушимости России в сухопутной войне. С подобным активом Россия могла куда более спокойно относиться к угрозам своим западным рубежам и навряд ли бы позволила втянуть себя в Первую мировую войну³⁵⁹.

Незадолго до Цусимской трагедии, с 4 по 11 мая, состоялся знаменитый рейд казачьего отряда генерала П.И.Мищенко на Факумынь – ключевой коммуникационный узел противостоящих японских армий. Сделав должные выводы из неудачного декабрьского набега на Инкоу, 5.4 тысячи казаков отправились в рейд с минимумом боеприпасов (по 300 патронов на винтовку) и орудий (6 вместо 18), без обозов, пополняя запасы продовольствия за счет местного населения. Набег удался. Неся минимальные потери, казаки с ходу атаковали ошеломленные японские гарнизоны, у деревни Шилаза был сожжен огромный обоз из 800 арб с военными грузами, в плен были захвачены 234 японских военнослужащих, приведены 200 лошадей [370]. Успех Мищенко, несмотря на его локальность, вызвал в войсках давно забытое воодушевление и желание наконец-то поквитаться с противником. Из воспоминаний участников войны, находившихся на позициях весной 1905 года, хорошо прослеживается, как изменилось отношение к противнику: на смену шапкозакидательству пришло уважение к безусловно высокому моральному духу, стойкости и жертвенности японских солдат и офицеров³⁶⁰. Известно, что

³⁵⁸В апреле 1905 года численность боевых порядков русской армии превышала численность всех войск, участвовавших в крупнейшем доселе сражении в мировой истории – Лейпцигской битве народов 1813 года, когда против 200-тысячной армии Наполеона выступили 300-тысячные коалиционные силы России, Австрии, Пруссии и Швеции.

³⁵⁹Основанием для вступления России в Первую мировую войну были не сколько декларируемые “забота о братьях-сербях” и союзнические обязательства перед Францией и Великобританией, сколько реальная, существовавшая на протяжении всех последних десятилетий, угроза своим западным рубежам – в основном со стороны Австро-Венгрии. И хотя в августе 1914 году данная угроза еще не успела покинуть “военно-теоретическую плоскость”, для страны, девять лет назад уступившей в войне с Японией, она оказывалась на порядок выше, чем в случае, имей ее армия имидж непобедимой “сверхсилы”.

³⁶⁰Из воспоминаний участника рейда Мищенко на Факумынь: “роты японцев храбры и погибают честно. Среди остатков своих солдат японский офицер стреляет

признание достоинств врага – ключ к пониманию пределов его сопротивления и залог будущей победы. Дух наступления проникал в сердца, мобилизовывал на решительный поединок.

Но Цусимская катастрофа сделала реванш невозможным. Хотя на Сипингай из центральных районов России продолжали с постоянно увеличивающейся интенсивностью прибывать войска и боеприпасы, а несостоявшееся восстановление морского господства уже принципиально не ухудшало баланса сил (полностью налаженное к 1905 году железнодорожное сообщение было эффективнее, чем снабжение по морю японских армий), шок от гибели Второй тихоокеанской эскадры полностью блокировал политическую волю к любым инициативным действиям. Напрасно Куропаткин убеждал царя дать санкцию на уже спланированное и полностью подготовленное наступление, за успех которого – впервые за всю кампанию – предельно осторожный генерал был, наконец-то, готов лично поручиться... Высшее политическое и военное руководство страны буквально находилось в плену мистического ужаса, известный ход событий приобрел страшную в своей непостижимости подоплеку... Неведомое проклятье, настигшее на краю Азии русскую экспансию, веками не знавшую даже отдаленных по масштабу неудач, представлялось возможным снять, лишь незамедлительно покинув эту негостеприимную землю.

К счастью, подобные настроения не были до конца осознаны противником. Военная кампания, честно спланированная в Токио максимум на один год, более не могла продолжаться как из-за истощенности людских и материальных ресурсов, так и по причине банального отсутствия денег. Затраты на войну в Японии, и России были примерно одинаковыми и составляли около 2 млрд. золотых рублей³⁶¹, однако степень их “тягостности” для экономики была различной: в Японии налоговая нагрузка увеличилась на 85%, в то время как в России всего на 5%. С учетом имеющегося золотого запаса, вне калькуляции военных и продовольственных резервов, доступных из европейской части страны, Россия была в состоянии без увеличения налогового бремени и без перехода к

себе в висок. У другого самурая-офицера нет секунд на харакири: он втыкает кинжал в горло... В этом бою в деревне великолепно погибал старый японский капитан. Он командовал ротой, которая геройски отбивалась от казаков. Старик во весь рост спокойно стоял на крыше фанзы, руководя огнем, пока не упал мертвым” [371]

³⁶¹По золотому паритету расходы каждой из сторон соответствовали примерно 1.55 тыс. тонн золота, что в современном масштабе составляет около 20 млрд. долларов США

мобилизационному типу экономики вести войну как минимум до осени 1906 года [372].

О неготовности Японии продолжать воевать более чем красноречиво свидетельствует датированный 18 мая 1905 года³⁶² – то есть спустя всего лишь три дня после цусимского триумфа японского флота – факт обращения японского правительства к США за посредничеством в мирных переговорах с Россией. Вместо попытки развить на полях сражений свой невиданный успех, посланнику Японии в США было предложено выразить американскому президенту Теодору Рузвельту "надежду японского правительства, что... президент найдет для себя возможным немедленно и всецело по своей инициативе пригласить обоих противников встретиться для непосредственных переговоров" [373].

Последняя операция войны: вторжение и захват Сахалина Не решаясь предпринимать каких-либо действий в Маньчжурии, способных вызвать русское наступление, японское командование попыталось переключить внимание от своей сухопутной группировки проведением локальной, но достаточно эффективной десантной операции на Сахалине. Надо сказать, что еще в 1899 году штабом Приамурского округа оборона Сахалина была признана "непосильной" по причине большой протяженности береговой линии и гористого рельефа [374]. И вот спустя шесть лет, 24 июня 1905 года, преодолев огонь растративших последние боеприпасы 47-миллиметровых орудий, снятых с затопленного крейсера "Новик", японцы осуществили высадку в заливе Анива. 27 июня на мысе Крильон был высажен второй десант, 10 июля в Де-Кастри третий и т.д. Оборона Сахалина была представлена нестроевыми дружинами общей численностью 7.2 тысячи человек, в которых под началом немногочисленных офицеров и унтер-офицеров служили местные каторжане и ссыльные. Не считая снятых с "Новика" вооружений, на острове имелось лишь 12 пулеметов и 8 устаревших пушек образца 1877 года, не оснащенных поворотными механизмами. Противник же направил на Сахалин контингент в составе 14 тысяч человек при 18 орудиях и нескольких десятках пулеметов [375]. Тем не менее первые оборонительные бои, вводимые отрядом под командованием полковника А.И.Арцишевского, оказались крайне неудачными для японцев. Лишь после окружения и разгрома этого отряда в районе

³⁶²Старый стиль

села Дальнего 3 июля 1905 года противник сумел установить над южной частью острова относительный контроль³⁶³. С 10 июля началась японская десантная операция на северном Сахалине. Оборону северной части острова возглавлял его генерал-губернатор М.Н.Ляпунов. Будучи юристом и не имея ни малейшей военной подготовки, гражданский генерал смог организовать лишь подобие организованного отхода от Александровского поста в центральную часть острова, где 16 июля без единого выстрела капитулировал.

Открытие Портсмутской мирной конференции

Сразу же после японского обращения к Т.Рузвельту посол США в Санкт-Петербурге 23 мая получил инструкцию, предписывающую обратиться к российскому императору с предложением вступить в переговоры по примирению.

Встреча с послом состоялась 25 мая, на ней Николай II такое согласие дал, сопроводив его оговоркой о необходимости аналогичного согласия со стороны японского императора: “не должно было создаться представление, будто Россия просит мира” [377]. В ноте от 26 мая 1905 года Рузвельт обратился к России и Японии с предложением приступить к мирным переговорам, на что обе воюющие стороны согласились.

Переговоры открылись в американском городе Портсмуте в штате Нью-Хемпшир. От России уполномоченным для их ведения был назначен председатель Комитета министров С.Витте, японскую делегацию возглавлял министр иностранных дел барон Ю.Комура. Накануне отъезда Витте был принят Николаем II, от которого получил достаточно жесткие инструкции: переговоры должны прийти к мирному решению без уступки ни одной пяди земли и без копейки контрибуции [378]. Для подобной жесткости существовали, как мы уже имели возможность убедиться, все необходимые стратегические основания.

³⁶³Уцелевшие защитники Сахалина продолжали действовать в составе партизанских отрядов, последний из которых под командованием штабс-капитана Даирского сложил оружие лишь 17 августа, за шесть дней до официального заключения мира. Это было последнее боестолкновение русско-японской войны, ставшее и одним из самых кровавых. В отместку за гибель 40 японских солдат попавшие в плен 130 партизан – вопреки сложившейся на той войне традиции благородного отношения к военнопленным – были заколоты штыками на окраине села Отрадное [376].

Переговоры, именовавшиеся мирной конференцией, открылись 27 июля 1905 года³⁶⁴. В качестве условия для заключения мира японская делегация выдвинула признание Кореи зоной своих интересов, возвращение Маньчжурии Китаю при выводе оттуда всех войск, передача Японии арендных прав на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, уступку Сахалина, уступку Южно-Маньчжурской железной дороги от Харбина до Порт-Артура, выдача Японии интернированных русских военных судов и ограничение морских вооружений России на Дальнем Востоке, а также выплата контрибуции в размере 1.2 млрд. иен³⁶⁵. Российская делегация достаточно быстро согласилась с пунктами японских предложений по Корее, Маньчжурии и Порт-Артуру и по уступке становившейся ненужной с потерей последнего линии ЮМЖД. Любопытно, что “передача Кореи” в сферу японских интересов в известной степени шокировала западное общественное мнение, все эти годы привыкшее считать, что в войне с Россией Япония боролась исключительно против “русского экспансионизма”. Что же касается требований об уступке Сахалина и выплате контрибуции, то здесь японских переговорщиков ожидал твердый отказ.

**Интрига,
сокрушившая
русскую
неуступчивость**

К 5 августа мирная конференция окончательно зашла в тупик и могла в любой момент прекратиться с получением Витте соответствующей телеграммы от царя. На сей раз возможное возобновление военных действий давало России гарантированные шансы на успех, в то время как у противника таковых почти не было. Беспокойство испытывал и президент США, рассматривавший русско-японские переговоры как редкую возможность продемонстрировать авторитет своей молодой страны в международной политике, а посему заинтересованный в их любом приемлемом завершении. Кроме того, США использовали переговоры для заключения собственных договоренностей с Японией о разделе сфер влияния в тихоокеанском регионе: согласие США “отдать” Корею было, в свою очередь, обусловлено согласием Токио на американское преобладание на Филиппинах. Именно Т.Рузвельту принадлежало предложение о разделе Сахалина по 50-й параллели с выплатой Россией денежного

³⁶⁴Старый стиль.

³⁶⁵Поскольку курсовая стоимость иены соответствовала 1.05 рубля, можно оценить эквивалент запрошенной Японией контрибуции в 976 тонн золота – или в 12.5 млрд. современных долларов США

возмещения за сохранение контроля над северной частью острова. Но данное предложение вновь было отвергнуто – Россия категорически отказывалась что-либо платить.

Далее в интригу переговоров вплелась почти что детективно-шпионская история, истинные обстоятельства которой мы вряд ли когда узнаем. Судя по всему, уже через 18 дней после открытия переговоров (к 14 августа) японское руководство было готово подписать мирный договор “без Сахалина и контрибуции”, т.е. полностью приняв русские условия. Но здесь то ли по своей воле, то ли по просьбе японской стороны, либо же в результате тонкой игры разведывательных служб, в закулисную часть переговоров вмешался американский президент. Посол США в Санкт-Петербурге получил указание встретиться с российским императором с целью склонить последнего к немедленному заключению мира ввиду якобы решимости Японии возобновить боевые действия. Николай II, прекрасно осведомленный о состоянии русских сухопутных сил на Сипингае, шантажу не поддался, подтвердил принципиальную невозможность для своей страны платить контрибуцию, однако не исключил, что “в виде крайней уступки он готов согласиться на отдачу южной части Сахалина” при определенных условиях, <поскольку> хотел показать свою готовность пойти навстречу американскому президенту” [379]. Информация, переданная Николаем II для президента США, в принципе, могла и должна была им, как посредником, быть донесена до японского руководства, однако, по меньшей мере, после взятия некоторой паузы и в форме, преподносящей ее в качестве аргументированного собственного мнения посредника, составленного на основании его контактов с одной из сторон переговоров. Однако именно этого не произошло. Информация о готовности России пойти на уступку южной части Сахалина немедленно оказалась ретранслированной в Токио. Это могло быть сделано либо по непосредственному указанию Т.Рузвельта, что, оказавшись оно так, необходимо признать более чем незтичным поступком с его стороны (что маловероятно для традиций той эпохи), либо же у Японии в Вашингтоне имелся высокопоставленный “источник”. Как бы то ни было, поступившая в Токио информация была встречена с воодушевлением и ...недоверием, обнарудовавшему ее в правительстве дипломату было положено сделать харакири в случае, если она окажется неверной. Но все обошлось. Оглашенное в Портсмуте японское заявление о “последней уступке” в виде требования только южной части Сахалина было принято российской стороной. Немедленно по

инициативе Витте были дополнительно оговорены гарантии свободного мореплавания русских кораблей в проливе Лаперуза и отказ Японии от строительства на территории южного Сахалина оборонительных укреплений.

Мир 19 августа сторонами был подписан договор о перемирии, а 23 августа (5 сентября) заключен мирный договор, сразу же признанный в мире крупной военно-дипломатической победой России. Завершилась война, до 1914 года считавшаяся крупнейшей в мировой истории. Число убитых, раненых, умерших от ран и от болезней в русской армии и на флоте составило 194.9 тыс. человек, у японской стороны – 261.4 тыс. человек [380].

С особой тщательностью и скрупулезностью, словно соревнуясь во взаимной корректности, вчерашние враги поспешили выполнить все его условия.

Президент США Теодор Рузвельт за успешное посредничество в заключении мира между Россией и Японией в 1906 году был объявлен восьмым лауреатом присуждавшейся с 1901 года Нобелевской премии мира. В те годы Нобелевская премия еще не обладала нынешним статусом и престижем, и Рузвельт не стал тратить несколько недель на путешествие морем к церемонии ее вручения. Лишь в 1910 году, посетив с частным визитом Осло, к тому времени уже бывший президент США нашел время выступить там с нобелевской лекцией.

Одним из положений Портсмутского мирного договора предусматривалось возведение памятников-obelisks павшим военнослужащим неприятельской стороны. На ранее существовавшем у подножия горы Саперной русском кладбище японская военная администрация устроила 12 огромных братских могил, в которых были погребены перенесенные с позиций и временных захоронений останки 14,873 защитников Порт-Артура: под белыми каменными крестами офицеры, под чугунными – нижние чины. Здесь же японским правительством в 1907 году была поставлена часовня из мрамора и гранита с эпитафией, составленной японским генерал-губернатором Квантуна Ошимой. Мемориальное русское кладбище в Порт-Артуре по сей день поддерживается китайскими властями в удовлетворительном состоянии.

На вершине знаменитой горы Высокой японцами в двадцатых годах был возведен мемориал-усыпальница собственным воинам – торжественно-величавая 130-метровая башня “Белый Нефрит”, напоминающая по форме орудийный снаряд. В китайских туристических путеводителях неизменно говорится о ней как об “уродливой структуре, свидетельствующей о временах японского вторжения”, но в то же время признается, что именно она является символом современного Люйшуня (Порт-Артура).

Русское правительство, после 1905 года не располагая более контролем над территорией, в земле которой остались лежать вчерашние противники, установило на российско-маньчжурской границе скромную стелу. Памятник павшим японским военнослужащим находился под постоянной охраной, и в годы революционного лихолетья был разрушен. Чуть позже, в 1932 году, был взорван чудный храм Спаса-на-Водах, возведенный в 1911 году в Санкт-Петербурге в память о русских моряках, павших в годы войны с Японией. Тогда же и навсегда исчезла уникальная рукописная книга, в которую были внесены имена *всех* погибших в сражениях русско-японской войны и умерших впоследствии от ран российских военнослужащих и находившихся при армии (флоте) гражданских лиц.